

ВОЙНА Цѣна отд. № 15 коп. Ш-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ. **НОВЫЙ**
САТИРИКОН

№ 9

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ

1915
26 ФЕВРАЛЯ.

Рис. Ре-ми.

СИЛА ПРИВЫЧКИ.

— Съ ума ты сошелъ, Гансъ!.. Баринъ только что вернулся съ войны, ему покой нуженъ, а ты у самыхъ дверей его спальни поднялъ такой грохотъ, что оглохнуть можно!..
— Баринъ мнѣ и приказалъ бить ложкой по тазу, пока онъ спитъ... Онъ на войнѣ такъ привыкъ къ пушечной стрѣльбѣ, что теперь безъ грохота и заснуть не можетъ...

С У Д Ъ Я.

По Красному морю плывут каторжане,
Съ трудомъ выгребая галеру,
Рыкомъ покрывъ кандальное ржанье,
Орутъ о родинѣ Перу.

О раѣ Перу орутъ перуанцы,
Гдѣ птицы, танцы и бабы,
И гдѣ, надъ вѣнцами цвѣтовъ померанца
Были до небесъ баобабы.

Бананъ, ананасы! Радостей груды.
Вино въ запечатанной посудѣ...
Но вотъ, неизвѣстно зачѣмъ и откуда,
На Перу наперли судьи!

И птицы, и танцы, и ихъ перуанокъ
Кругомъ обложили статьями.
Глаза у судьи — какъ пара жестянокъ
Мерцаютъ въ помойной ямѣ.

Попалъ павлинъ оранжево-синій
Подъ глазъ его строгій, какъ постъ,
И вылинялъ моментально павлинъ
Великолѣпный хвостъ!

А возлѣ Перу летали по преріи
Птички такія, — колибри,
Судья поймалъ и пухъ и перья
Бѣдной колибри выбрилъ.

И нѣтъ ни въ одной долині нынѣ
Горъ, вулканомъ горящихъ.
Судья написалъ на каждой долині:
«Долина для некурящихъ».

Въ бѣдномъ Перу стихи мои даже
Въ запретѣ, подъ страхомъ пытокъ.
Судья сказалъ: — «Тѣ, что въ продажѣ,
Тѣже опиртной напитокъ».

Экваторъ дрожитъ отъ кандальныхъ звоновъ,
А въ Перу безптичье, безлюдье...
Лишь злобно забившись подъ своды законовъ,
Живутъ унылые судьи.

А знаете, все-таки, жаль перуанца,
И зря ему дали галеру,
Вѣдь судьи мѣшаютъ и птицѣ, и танцу,
И мнѣ, и вамъ, и Перу.

В. Маяковскій.

О ТЮРКОСАХЪ, ФОКУСНИКАХЪ И РУМЫНСКИХЪ ДАМАХЪ.

Фельетонъ Арк. Аверченко.

Явившись ко мнѣ, моя домоправительница остановилась у притолоки и провела указательнымъ пальцемъ по верхней губѣ, что всегда свидѣтельствовало объ особой конфиденциальности разговора.

— Вотъ вы все пишете, баринъ...

— Пишу. Если родъ избранныхъ мною занятій не соответствуетъ вашимъ взглядамъ на жизнь — вы скажите откровенно. Можетъ, найдемъ компромиссъ.

— Чего-съ? Нѣтъ, я о томъ, что вы все пишете... Вотъ бы и написали объ етомъ.

— То-есть?

— Объ жуликахъ етихъ, объ подлецахъ. Что же это такое будетъ нонеча? Я ему говорю: да на васъ, говорю, грабителей, нормальная цѣна установлена, а онъ меня мясомъ по спинѣ: пошла вонъ, дура!

— Мясомъ по спинѣ? Какъ это?

— Обнаковенно, какъ мясомъ по спинѣ бьютъ. Совсѣмъ затюкали; и онъ и евонные молодцы.

— Да кто такой?

— Опять же, мясникъ. Говорю, кажется.

Я призадумался.

— Откровенно говоря, способъ, избранный мясникомъ для опроверженія вашихъ словъ, не совсѣмъ удаченъ. Вѣдь отъ того, что онъ поколотилъ васъ мясомъ по спинѣ, мясо не удешевилось?

— Гдѣ тамъ! Еще дороже, чѣмъ прежде.

— Безцѣльный, бессмысленный поступокъ. Подозрѣваю, что вашъ мясникъ не обладаетъ талантомъ строгаго логическаго мышленія.

— Чего-съ? Я говорю, что ихъ, подлецовъ, пропечатать надо.

— Гмъ!.. Не знаю, что вамъ и сказать на это... Ко-

нечно, я касался въ послѣднее время злобы дня, но въ этихъ злобахъ ниже Гогенцоллерновъ или, въ крайнемъ случаѣ, Габсбурговъ — я не спускался!

— Чего-съ? Пропечатайте, баринъ!

— Согласитесь сами, послѣ лицъ, фигурирующихъ въ Готскомъ альманахѣ, оперировать надъ какими-то дровяниками и мясниками...

— Пропечатайте, баринъ!!!

И столько было въ этомъ крикѣ муки и душевной боли, что я, тронутый, сказалъ:

— Хорошо. Пропечатаю.

* * *

Какъ человѣкъ справедливый, я рѣшилъ выслушать и другую, — противную — сторону.

Пошелъ. Пришелъ.

Дѣйствительно, вторая сторона была настолько противна, что разговоръ съ ней слѣдовало бы начать слѣдующимъ образомъ:

— Здравствуй, негодяй. Вы чего же, дрянъ вы этакая, дерете съ несчастныхъ обывателей десять шкуръ, пользуясь суматохой военного времени!.. Вы русскій?.. Гдѣ же вашъ патріотизмъ, которымъ охвачена вся порядочная, приличная Россія? Мало васъ, жуликовъ, штрафуетъ администрація?

Но желѣзная необходимость выяснитъ вопросъ, не отвлекаясь въ сторону, заставила меня принять другой тонъ:

— А, здравствуйте, — привѣтливо сказалъ я. — Работаете все?

— Да-съ. Торгуемъ. Дѣло теперь горячее.

— Это хорошо, что горячее. А скажите, правду говорятъ, что всѣ продукты и предметы первой необходимости невѣроятно повысились въ цѣнѣ?

Купецъ задумчиво погладилъ бороду.

— Почему же-съ «невѣроятно»? Очень даже вѣроятно.

— Чѣмъ же вы это объясняете? — ласково спросилъ я, вкладывая въ этотъ вопросъ всю душевную нѣжность, которая еще не была растрачена въ предыдущіе годы суровой жизни.

— Чѣмъ объясняю? Война.

— Справедливо извоили замѣтить — война. Недаромъ поэтъ сказалъ: «Война, война! Какъ много въ этомъ словѣ»... — Ну, и такъ далѣе. Война, говорите? Такъ. Вотъ, говорятъ, у васъ дрова нынче неимовѣрно вздорожали...

— Да-съ. Дрова нонче кусаются. Потому война.

Мнѣ показалось, что въ этомъ пунктѣ я сразу могу поймать моего наглаго нахально-самоувѣреннаго собесѣдника.

— Не будете ли вы добры мнѣ объяснить — какое имѣетъ отношеніе война къ дровамъ? Вѣдь ихъ на войнѣ не ѣдятъ, ими не стрѣляютъ, на нихъ не ѣздятъ... При чемъ же тутъ война?

— Цвѣтныя войска-съ.

— Чего-о-о?

— Войска, говорю, цвѣтныя. Которыя во Франціи, на ихнемъ фронтѣ.

— Ну?

— Ихняя въ этомъ причина.

— Вы меня изумляете!

— Не затрудняйтесь. Дѣло простое, какъ палецъ...

Скажемъ, индусскія войска, черныя африканскія войска... Народъ все южный, къ жарѣ привыкшій, которому, будемъ говорить, наша европейская зима — смерть.

— Ну?

— Вотъ на нихъ всѣ дрова и идутъ. На этихъ тюркосовъ разныхъ, гурковъ, что ли тамъ, сенегальскихъ, съ позволенія сказать, стрѣлковъ. Этакую уйму согрѣть — вы шутите?

— Значитъ, вы берете за дрова вдвое противъ прежняго — благодаря сенегальскимъ стрѣлкамъ?

— Именно.

— Ловко.

— Мерси.

— Скажите, а вотъ мука вздорожала... Это кто жъ тутъ замѣшанъ: тоже тюркосы?

— Зачѣмъ тюркосы? Тюркосы тутъ ни при чемъ. Зря говорить не надо. А что мука нонича кусается, такъ ужъ вы за это румынскихъ дамъ поблагодарите.

— Я... ошеломленъ!

— Не безпокойтесь. Дѣло тоже простое. Румынская мобилизація была? Была. Всѣхъ мужчинъ къ границамъ страны оттянула? Оттянула. Румынскія дамы безъ мужчинъ остались? Остались. Конкуренція, стало быть, ихняя женская повысилась? Повысилась. Нравиться надо? Надо. Пудра для этого дѣла нужна? Еще какъ. Ну, вотъ вы и поймите: пудрыто не хватило — на муку дамочки и накинулись. А вы гово-

рите — тюркосы. Тюркосы тутъ ни при чемъ. Грѣхъ зря на людей валить. Мука и безъ нихъ кусаться можетъ.

— Хорошо, — пролепеталъ я, полураздавленный, ошеломленный. — Это все понятно, но что меня поражаетъ — это яйца. Ни тюркосы, ни румынскія дамы ихъ не ѣдятъ въ такомъ количествѣ... Почему же яйца вздорожали до того, что...

— Дѣйствительно, — согласился купецъ, — яйца нонича кусаются.

— Да вѣдь они должны бы быть теперь дешевле грибовъ!

— Вы такъ думаете? А Швеція?

— Что же Швеція! Швеція беретъ для себя, какъ и раньше.

— Эхъ, господинъ! И слушать-то васъ не хочется. Дѣла-то какъ, по-вашему, у Швеціи хороши?

— Хороши.

— Вы согласны съ тѣмъ, что разъ хорошія дѣла, то и театры лучше работаютъ?

— П... пожалуй, — осторожно, ощупывая ногой почву, согласился я.

— То-то и оно. Народъ, значитъ, на увеселенія бросился. А какое его любимое увеселеніе? Ясно — фокусники.

— Ну... фокусники, — машинально согласился я.

— То-то и оно.

Мы помолчали.

— Ну? — съ еще большей осторожностью спросилъ я.

— Да вѣдь для фокусника какой фокусъ самый, можно сказать, любимый? Яйца въ цилиндрѣ разбить, да яичницу подъ платкомъ изжарить на потѣху публики. Вотъ вамъ куда нонича яйцо и идетъ! А вы говорите — кусается! Тутъ закусаешься.

* * *

Я всталъ.

— Послушайте... Разъ бездушныя дрова, безвредныя яйца и бездыханная мука стали кусаться, то мнѣ, живому темпераментному человѣку, и самъ Богъ велѣлъ кусаться!!

Я схватилъ со стола переносный телефонный аппаратъ и, проломивъ имъ голову торговца, ушелъ по другимъ дѣламъ.

Милые читатели нашего «Задуманнаго Слова». У кого изъ васъ есть переносный телефонный аппаратъ и кому изъ торговцевъ вы проломили голову? И долго ли онъ мучился? Мнѣ его не жалко. Напишите, кому изъ васъ тоже не жалко торговца, получившаго по заслугамъ?

Арк. Аверченко.

ЖУРНАЛЬ КУПЦА ЕПИШКИНА.

Посв. „XXX вѣку“.

Журналь Епишкина, купца,
Расходится чудесно,
Бушменовъ пылкія сердца
Чаруя повсемѣстно.
Его стотысячный тиражъ —
Точнѣйшій показатель
Того, сколь тонко развитъ нашъ
Милѣйшій обыватель!

Ни направленья, ни лица,
Лишь вывѣска да стойка,
Да два развязныхъ молодца,
Орудующихъ бойко.
Стучить аршинъ, гремятъ вѣсы,
Трещить со звономъ касса,
И фаршъ «собачьей колбасы»,
Сбывается за мясо.

Здѣсь пролетарію пера
Во вѣкъ не сбыть товара:
Всѣмъ править вырѣзокъ гора,
Да клей, да ножницъ пара.
«Нашъ потребитель сущій хрякъ»,
Лишь было бъ въ поилѣ рыло;
Страницъ 16 за пятакъ —
И дешево и мило!»

Ларекъ Епишкина, купца,
Объектъ всегдашней давки;
Трещать подъ тяжестью гнильца
Убогіе прилавки.
Стучить аршинъ, гремятъ вѣсы,
Растутъ холмы добычи,
И фаршъ «собачьей колбасы»
Идетъ за «сыръ изъ дичи».

В. Князевъ.

ПТИЧКИ БОЖІЯ.

— Что это такое: „артиллерійскій паркъ“?
— А это, знаешь, такое, въ родѣ зимняго сада... Чтобы на войнѣ имъ не было скучно, артиллеристы берутъ его съ собою на позиціи и прогуливаются, когда есть свободное время!..

правду — мысли укротить.
Будешь думать, что роютъ
Рядъ окоповъ къ грядущему бою.
Если жъ стаетъ у мотора,
Что работаетъ споро
У разбитой снарядомъ халупы, —
Ты поймешь, что съ площадки,
Въ непреклонномъ порядкѣ,
Въ яму падаютъ черные трупы.
Вмѣсто пѣнія хора —
Вой и грохотъ мотора;
Вмѣсто гроба — платформа-корзина;
Вмѣсто почестей бранныхъ —
Рядъ ножей многогранныхъ;
Вмѣсто ладана — запахъ бензина...

2.

Сорокъ лѣтъ съ тремя годами
Эта избранная раса
Европейскихъ готентотовъ,
Человѣчеству во вредъ,
Неустанными трудами
Обрабатывала мясо
Крѣпколобыхъ патриотовъ
Для неслыханныхъ побѣдъ.
И, покорные укладу,
Предначертанному Рокомъ
И поддержанному плетью,
Фатерландовы сыны
Все сводили къ вахтъ-параду
Да къ чудовищнымъ оброкамъ,
Защемленные, какъ сѣтью,
Краснымъ призракомъ войны.
Созидательная сила
Государственной управы,
Безъ стыда и сожалѣній,
Къ уготованному дню
Методически сносила
Подрастающія травы
Желторотыхъ поколѣній,
Прежде срока — на корню:
Многолѣтнюю науку,
Чьи-то мудрые завѣты,
Чьи-то свѣтлыя страницы,
Честь народа и земли —
Все довѣрили фонъ Клуку,
Утвердили на лафеты,
Помѣстили у границы
И скомандовали: «Пли!»
Дѣти Гѣте, внуки Канта,
Братья Грубера и Коха,
Земляки Юганна Баха,
Неггъ Ницше и иныхъ —
Подъ хлыстомъ у лейтенанта
Все забыли кромѣ «гох'а»,
Продырявленнаго паха,
Добиванія больныхъ:

Знатокъ въ машинномъ станкѣ
Своего не проворонятъ,
Гогенцоллерны и Круппъ:
Механически родили,
Механически убили,
Механически хоронятъ,
Съ мѣткой «made» каждый трупъ!

Владиміръ Воиновъ.

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

„Петроградск. Газета“ въ № 40 пишетъ въ замѣткѣ о дѣлѣ Марцинкевичъ:

„Въ виду своего страшнаго волненія Болотина наканунѣ допроса разрѣшилась двойней“...

Выходитъ такъ, что если бы Болотину взволновали еще больше — она бы разрѣшилась тройней.

Да будетъ вѣдомо г. репортеру „Петрогр. Газеты“, что только налимовъ стараются раздражать по тѣмъ соображеніямъ, что у нихъ отъ раздраженія увеличивается печень.

Печень же съ дѣторожденіемъ не имѣетъ ничего общаго... Это репортеру „Петрогр. Газеты“, вѣроятно, извѣстно.

„Новое Время“ обращается съ русскимъ языкомъ подобно озвѣрѣвшимъ тевтонамъ:

„Прошедшей весной Декло и Бешовъ заказали для себя дорожный автомобиль, въ которомъ и совершили въ юнѣ путешествіе въ Берлинъ. Не обвиняя отнюдь достойную пару въ предательствѣ, эта льстивая похвала въ Берлинъ является довольно таки странной“.

Послѣдняя фраза — совсѣмъ, какъ Чехова:

„Подъѣзжая къ своей станціи у меня слетѣла шляпа“.

Нами получено слѣдующее скорбное письмо отъ одного офицера:
„Многоуважаемый г-нъ Редакторъ! Прошу обратить Ваше вниманіе на снимокъ въ журналѣ „20-й Вѣкъ“ за № 5 на страницѣ 5, подписанный „Турецко-Германскій воинскій поѣздъ, застрявшій, благодаря снѣжнымъ заносамъ, въ Закавказьѣ“. Этотъ снимокъ съ этой подписью сплошной и грубой вымыселъ, и вотъ почему: Турки вели наступленіе въ 3-хъ направленіяхъ: 1. Главное наступленіе велось съ Караурганъ (граница) на Сарыкамышъ, но тутъ желѣзной дороги нѣтъ, она идетъ отъ Сарыкамыша на Карсъ; турки же дошли только до Сарыкамыша, тутъ ихъ погнали обратно и, слѣдовательно, они жел. дорогой пользоваться не могли. 2. Турки вели еще наступленіе въ Аджаріи на Ардаганъ и Ахалцыхъ, гдѣ имѣются только грунтовыя дороги. 3. Затѣмъ турки вели наступленіе въ Чорохскомъ краѣ, гдѣ не имѣется никакихъ дорогъ.“

Раньше говорили: „вретъ и не краснѣетъ“.

Теперь же въ связи съ нравами, привитыми еженедѣльной прессѣ „Синимъ Журналомъ“, можно сказать „20-му Вѣку“ иначе:

— Вретъ и не посинѣетъ.

Изъ того же „20-го Вѣка“ извлекаемъ цитату изъ разсказа Льва Гумилевскаго. Военные сочинители, описывая стрѣльбу пулеметовъ, прибѣгали для уясненія звуковъ пулеметной стрѣльбы къ слѣдующимъ образамъ:

„Пулеметы стучали, какъ швейная машина“.

„Какъ горохъ, трещали пулеметы“.

„Подобно дождевымъ каплямъ разливались пулеметы“.

А Гумилевскій изъ „20-го Вѣка“ характеризуетъ звукъ пулеметной работы просто и мило:

„...Мѣрно хохотали (?) методичной трескотней пулеметы“.

Надъ кѣмъ, спрашивается, смѣялись пулеметы? Надъ Львомъ Гумилевскимъ.

Въ этомъ отношеніи читатель, пожалуй, будетъ солидаренъ съ пулеметами.

НОВЫЙ СПОСОБЪ.

— Скажите, пожалуйста, м-ше, вы семь съ половиной лѣтъ тому назадъ не жили въ Семипалатинскѣ, на Кривой улицѣ, въ домѣ № 7?..

— Ничего подобнаго!

— Такъ я и предполагалъ... Я тоже не жилъ семь съ половиной лѣтъ тому назадъ въ Семипалатинскѣ на Кривой улицѣ, въ домѣ № 7. Какое странное совпаденіе... Позвольте, въ такомъ случаѣ, представиться: Чипулинъ!

ПОСЛѢДНЯЯ.

(Психологическій этюдъ.)

Доброму другу Евг. Вѣнскому.

Принесли мнѣ ее вечеромъ, укутанную въ какую-то тряпку.

— Это тебѣ, — крѣпко пожимая руку, сказалъ принесшій.

— Это мнѣ, — растроганно сказалъ я.

Когда онъ ушелъ, я поставилъ ее въ буфетъ, въ правый уголъ, гдѣ сейчасъ стоитъ миска... Простая, бѣлая, а на дни крошки отъ сухарей. Закрывъ буфетную дверку и сказалъ кому-то:

— Спасибо.

Двѣ недѣли она стояла на своемъ мѣстѣ, и никто не рѣшался притронуться къ ней. Я — хозяинъ дома и умѣю на-стоять на своемъ. Даже жена, жалаясь на простуду, не смѣла о ней заикнуться. Даже мать.

* * *

У Каблукова не было словъ, наводящихъ на размышленія. Онъ говорилъ прямо и открыто.

— Коньякъ-то есть? — хмуро спросилъ онъ, забывъ по-здороваться со мной.

Если бы онъ заговорилъ о томъ, что его истощенный организмъ требуетъ спирта, что онъ видитъ во мнѣ друга, который не въ силахъ отказать ему въ самой большой просьбѣ — я посмотрѣлъ бы ему въ глаза своимъ честнымъ стойкимъ взглядомъ и отвѣтилъ бы:

— Нѣтъ, Каблуковъ. У меня нѣтъ коньяка.

Я не смѣлъ сдѣлать этого. Во мнѣ заговорилъ мужчина.

— Есть, — твердо сказалъ я.

Онъ немного помолчалъ, скинулъ на бархатную скатерть папиросный пепель и сказалъ настойчиво и властно:

— Дай.

И опять дряблая воля уступила сильной:

— На.

Онъ посмотрѣлъ на бутылку, такую маленькую и робкую при дневномъ свѣтѣ, и спросилъ горько и тихо:

— Послѣдняя?

Что-то сжало сердце; упала душа.

— Послѣдняя, Каблуковъ.

— Выпью.

Онъ сталъ пить.

* * *

И, по мѣрѣ того, какъ онъ пилъ, по мѣрѣ того, какъ по рюмкамъ, казавшимся мнѣ по величинѣ съ добрый умываль-ный кувшинъ, убывалъ коньякъ, злобное чувство зарождалось во мнѣ къ этому человѣку. Даже лѣвое ухо, которое я четко видѣлъ сбоку, казалось мнѣ нахальнымъ и грубымъ.

— Коньякъ безумно дорого стоитъ теперь, — вскользь замѣтилъ я, дрожащей рукой чиркая спичкой о портсигаръ.

— Платина дороже, — дружелюбно отвѣтилъ онъ, — недавно кольцо хотѣлъ заказать — плюнулъ: дорого обойдется. А почему ты не выпьешь рюмашку?

— Сейчасъ утро. Одиннадцать часовъ. Понимаешь: одиннадцать... Сейчасъ только чортъ знаетъ, кто можетъ пить...

— Ну, почему чортъ знаетъ кто, — искренно изумился Каблуковъ, — вотъ я же пью... Шестъ рюмокъ выпилъ и еще, можетъ, столько же выпью, а ничего... Что изъ того, что одиннадцать...

— Ты еще, можетъ, двадцать собираешься? — ѣдко опросилъ я, но сконфузился, какъ хозяинъ, и добавилъ со смѣхомъ, въ непринужденности котораго легко можно было усомниться, — пей, пей, голубчикъ, я очень радъ, если тебѣ...

— Это идея, — весело вскрикнулъ Каблуковъ и больно ударилъ меня по колѣнкѣ, — я, братъ, въ такое время до двадцати рюмокъ никогда еще не допрыгивалъ... А ну-ка, попробуемъ...

Есть люди, которые вѣрятъ въ красоту и смѣлость жизни. Они бьютъ гостя переплетеннымъ комплектомъ прошлогодняго журнала по головѣ и идутъ въ свою комнату. Я выросъ въ средѣ, воспитавшей меня слабовольнымъ и робкимъ...

* * *

— Выпьемъ четвертую, — произнесъ Каблуковъ, хитро подмигивая женѣ, робко вошедшей въ столовую. — Ну, что же вы молчите... Нужно сказать: правда, это двѣнадцатая, но все-таки...

— Четырнадцатая, — царапая ногтемъ блюдечко, уронила я.

— Ты блестящій ариѳмет... О, Господи... Что же это я: хотѣлъ сказать, математ... Фу, чортъ... Языкъ мой — врагъ мой: хотѣлъ сказать математикой, а вышло ариѳ... Однимъ словомъ: за геодезію. Ваше здоровье, мадамъ.

Каблуковъ проглотилъ рюмку, часть содержимаго которой безпомощно вылилось на галстукъ и борть пиджака.

— Меня зовутъ Марья Михайловна, — нервно поправила жена, посмотрѣвъ искоса на меня.

— Ея сестра звалась Татьяномъ, — весело произнесъ Каблуковъ, — вчера такой же случай. Проводилъ до дому, а какъ зовутъ — забылъ... Думалъ, думалъ, а потомъ

прямо: ципочка... Ну, ничего себѣ... Только за пиво дорого...

— Каблуковъ... Развѣ ты всегда такъ много пьешь? — не придавая значенія вопросу, холодно спросилъ я, — вѣдь это свинство какое-то, безудержное... Я, вообще, не о тебѣ...

— Нѣтъ, ты обо мнѣ, — горячо подхватилъ Каблуковъ, — обо мнѣ говори... Безудержное, братъ, яркое, самобытное... Выпьемъ за самобытность, за самородковъ... За кустарей такъ сказать...

— Можетъ, закусите еще чѣмъ-нибудь?..

— А огурецъ-то? Онъ вамъ не собака, ципочка...

— Марья Михайловна, Каблуковъ, — твердо сказалъ я.

— Вчера такая же исторія... Проводилъ, а имени не помню... Я и говорю просто... Кошекъ разводите? — повернулся Каблуковъ ко мнѣ, — не люблю...

— Какихъ кошекъ? Съ чего это ты?

— А кому же это я на хвостъ наступилъ? — сердито спросилъ Каблуковъ и посмотрѣлъ подъ ноги. — Ага, огурецъ... Ну, чортъ съ нимъ, упалъ съ тарелки, пусть и лежитъ тамъ...

— Каблуковъ...

— Ну?

— Ты же не будешь въ состояніи...

— Что? Вы мнѣ, мадамъ?

— Это я говорю, Каблуковъ, а не она...

— Что вы говорите?

— Я говорю тебѣ, что ты будешь не въ состояніи...

— Довольно, — грустно сказалъ онъ, беря мой окурокъ, — за состояніе... Ваше, сударыня...

— Это издѣвательство, Каблуковъ, — робко крикнулъ я, — это издѣвательство...

Каблуковъ привсталъ со стула, снова сѣлъ, рѣзкимъ движеніемъ схватилъ бутылку и налилъ еще рюмку.

— За издѣвательство тоже могу. Последняя...

* * *

Вмѣстѣ съ женой мы усадили его въ лифтъ.

— Каблуковъ! Ты нажмешь эту кнопку, на которой написано: спускъ. Понялъ?

— Понялъ. Вчера такой же случай былъ... Проводилъ до дому, а имени...

Онъ захлопнулъ дверцы и что-то повернулъ. Свѣтъ въ лифтѣ потухъ.

— Каблуковъ, ты потушилъ свѣтъ, — надорванно вырвалось у меня, — нажми другую.

— Не учи, — глухо отвѣтилъ Каблуковъ, — засадили, а потомъ учать...

Онъ снова что-то нажалъ и лифтъ плавно поднялся куда-то вверхъ.

— Пойдетъ по лѣстницѣ, разобьется, — тревожно сказала я.

— Пусть, — холодно бросила жена.

У насъ, у мужчинъ, сердце мягче.

* * *

Въ столовой жена встряхнула скатерть и посмотрѣла на бутылку.

— Последняя, — съ упрекомъ сказала она.

— Последняя.

— Даже женѣ...

— Даже матери.

Теперь на второй полкѣ, въ углу, стоитъ только миска съ крошками сухарей.

Арк. Буховъ.

Ф Л Ю Г Е Р Ъ.

День и ночь, на крышѣ,
То сильнѣй, то тише,
Флюгеръ визжитъ.

Стержень дрожить,
Ржавчина сыплется снѣгомъ.
Свойственный старымъ телѣгамъ,
Слышится скрипъ наверху.
Гдѣ тутъ уснуть? Быть грѣху.

Вьюга ль хороводить,
Солнце ли, морозъ,
Тишина ль нисходитъ
Послѣ буйныхъ грозъ, —
Безъ конца изводить
Флюгера нервозъ.

Этакъ станеть — не годится!
«Лучше стану такъ...»
Извивается, вертится,
Шумъ на весь чердакъ.
Хорохорится надъ «вестомъ»,
«Зюйдомъ», «остомъ», «нордомъ», — всѣ
Страны свѣта старымъ мѣстомъ
Треплетъ въ мертвомъ колесѣ.
Нѣтъ ни переда, ни зада,
Только верхъ да острый низъ;
Но «верхи» ль — ему ограда,
Если виденъ лишь карнизъ?
Что за участь! Что за радость
Въ вѣтрѣ, солнцѣ и дождѣ
Равномѣрно славить гадость,
Повертѣться на гвоздѣ!?
Я не сплю. Уснуть мнѣ трудно.
Флюгеръ стонетъ наверху.
Охъ, какъ скучно! Охъ, какъ нудно!
Не стерплю я. Быть грѣху...

Вылѣзаю. Слуховымъ окномъ
Пробираюсь къ дьявольской игрушкѣ.
Весь дрожу отъ злобы. Что мнѣ въ томъ —
Если дворникъ треснетъ по макушкѣ?
Это мы сообразимъ потомъ,
А покамѣстъ — къ чорту побрякушки!

Удивленье! Онъ — недвижимъ...
Что такое — не пойму:
Или воздухомъ пристыженъ,
Или стыдно самому.

Вотъ подползъ поближе... Ясно!
Дѣло сдѣлано съ умомъ:
Кто-то выдумалъ прекрасно,
Какъ спасти отъ визга домъ.

Вспять я съ тихой радостью ползу,
Позабывъ о флюгеровомъ шумѣ.
На концѣ у флюгера — слезу
Обывателя о первой Думѣ,
На другомъ — военный бюллетень
Видѣлъ я и, кажется, — спокоень
За грядущій, не визгливый день...
Такъ ли, сякъ ли — флюгеръ успокоень.

А. С. Гринь.

Рис. Д. Митрохина.

Рис. А. Радакова.

СТРОГАЯ ПОСТЕПЕННОСТЬ.

Вильгельм (нѣмецкой хозяйкѣ): — Вотъ видишь, матушка, — хотя я и забираю твою мѣдную посуду, но въ послѣдовательности ты мнѣ все-таки не можешь отказать: сначала я устроилъ такъ, что у васъ нечего жарить и варить, а теперь я забираю то, на чемъ жарятъ и варятъ, разъ оно вамъ уже не нужно!..

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Два портрета.

Характерную сценку описываетъ корреспондентъ „Journal“:

Въ Парижѣ, на бульварѣ Haussman, въ магазинъ бумажныхъ принадлежностей входитъ раненый бельгійскій солдатъ, опираясь на палку.

Среди открытокъ, лежащихъ на прилавкѣ, онъ замѣчаетъ одну съ портретомъ своего короля.

Фигура солдата мгновенно выпрямляется, онъ отдаетъ честь и, благоговѣнно глядя на портретъ, обращается къ приказчику:

— Дайте мнѣ эту открытку съ портретомъ короля бельгійскаго. — Сколько она стоитъ?

Приказчикъ, уже начавшій бережно заворачивать открытку, укоризненно качаетъ головой.

— Сколько стоитъ?! Вы думаете, я возьму съ бельгійскаго солдата деньги за портретъ его короля, такого короля?.. Я только

пожму руку солдату той страны, у которой есть такой король, вотъ и все!

Раненый молча протягиваетъ руку. Ее крѣпкожимаютъ, и солдатъ, благоговѣнно унося открытку, уходитъ изъ магазина.

А въ Берлинѣ былъ другой случай: заходитъ этакъ тоже одинъ раненый въ магазинъ бумажныхъ принадлежностей. Увидѣлъ открытку съ портретомъ Вильгельма:

— Сколько стоитъ?

— Сколько стоитъ? Ни гроша не стоитъ. Даромъ никто не беретъ.

И расплакался приказчикъ.

Когда же раненый воинъ ушелъ, хозяинъ магазина не досчитался дневной выручки и пачки крандашей.

Этотъ трогательный случай произвелъ на всѣхъ сильное впечатлѣнiе.

„Туристы“.

Въ нѣкоторыхъ бѣдныхъ семействахъ существуетъ система: отправлять почаще дѣтишекъ въ гости, чтобы съэкономить на обѣдѣ...

Изъ Копенгагена сообщаютъ, что, въ виду недостатка съѣстныхъ припасовъ, германское правительство намѣрено предложить пяти милліонамъ наиболѣе состоятельныхъ нѣмцевъ покинуть Германію и отправиться въ нейтральныя страны въ качествѣ туристовъ.

А нѣкоторые еще сомнѣваются, что слово „туристъ“ происходитъ отъ другого слова:

— Турнуть.

Отъ мажора къ минору.

Мы и до войны считали знаменитаго Максимилиана Гардена, если не умнымъ, то чуткимъ человѣкомъ:

Изъ Берлина сообщаютъ, что Максимилианъ Гарденъ вновь прочелъ лекцію о положеніи дѣлъ на театрѣ войны, на которой присутствовала тысячная толпа. Тонъ настоящей лекціи былъ гораздо менѣе увѣренный той, которую онъ прочелъ въ началѣ войны и въ которой онъ говорилъ, что Германія должна побѣдить.

Гарденъ не общалъ болѣе слушателямъ окончательной побѣды, а поставилъ вопросъ о томъ, можетъ ли вообще война окончиться для Германіи триумфомъ. Въ заключеніе ораторъ утѣшилъ слушателей, сказавъ: „Какъ бы то ни было, но весь міръ узналъ, какъ велика мошь Германіи“.

Есть такія фizioноміи, по которымъ если ударить кулакомъ, то обладатели этихъ фizioномій утѣшаютъ себя: все таки и его кулаку было больно.

Этимъ только Германія и можетъ утѣшить себя...

Награда за рану.

Извѣстная пѣвица Плевицкая рассказываетъ нѣкоторые факты, наблюденные ею во время пребыванія на войнѣ:

Какой-то развѣдчикъ недавно привелъ съ собою полоненнаго имъ нѣмца. „Ну, и молодчина, — говорили, — уже два Георгіевскихъ креста заслужилъ“.

— Пошли мы, значить, на развѣдку, насъ было двое. Вотъ идемъ это мы тихо. Вдругъ мы видимъ нѣмцевъ; ихъ было человѣкъ восемь. Мы съ товарищемъ грянули „ура“ на разные голоса, какъ будто насъ много, и бросили въ нихъ ручную гранату. Они, значить, нацѣлились, мы тоже нацѣлились, а потомъ вскочили, да изъ винтовокъ, 2-хъ убили, одного ранили, остальные разбѣжались. Взяли мы раненаго — въ ухо ему попали — и спрашиваемъ: „ну что, не сердись, нѣмецъ?“ А онъ что-то лопочетъ, ничего не понимаетъ.

Нашъ герой, за то, что ранилъ нѣмца, далъ послѣдному полтинникъ и говоритъ ему: „на, возьми, да не сердись“. Но нѣмецъ за его любезность далъ ему двѣ марки. Какъ видно, онъ былъ очень радъ, что попалъ въ плѣнъ къ русскимъ, и на радостяхъ рассказалъ все, что у нихъ дѣлается, сколько войска, кто командуетъ и т. д.

Герой нашъ былъ очень радъ, что „поговорилъ съ нѣмцемъ“, и что онъ на него не сердится.

— Нѣвѣрно, не сердится. Вѣдь я ему полтину далъ.

Уплата своему противнику полтинника за нанесенную ему рану — явленіе до сихъ поръ еще нигдѣ не наблюдавшееся.

Будемъ предполагать, что это — исключеніе, потому что, если бы большинство русскихъ солдатъ поставило себѣ за правило оплачивать каждую нанесенную противнику рану полтинникомъ — большинство этихъ славныхъ, добродушныхъ людей, навѣрное бы, раззорились...

Чудеса въ рѣшетѣ.

„Петрогр. Газета“ рассказываетъ:

Въ театрѣ А. С. Суворина на первомъ представленіи пьесы В. П. Буренина „Взятіе Берлина при Елизаветѣ“ произошло слѣдующее: Г. Глаголину поднесли букетъ цвѣтовъ. Онъ его взялъ, сначала прижалъ къ сердцу, потомъ началъ цѣловать прикрѣпленную къ нему карточку, а затѣмъ упалъ на колѣни и воздѣлъ руки горѣ. Публика аплодировала... Занавѣсъ опустили, аплодисменты продолжались и занавѣсъ снова подняли. Г. Глаголинъ вышелъ вторично и опять упалъ на колѣни... Тогда аплодисменты сразу прекратились...

Подумать только, что даже лошадь въ циркѣ никогда

сама по себѣ не станеть на колѣни. Ее долженъ принудить къ этому дрессировщикъ...

Какой дрессировщикъ нашепталъ талантливому Глаголину такую унылую мысль?

Водолазъ женится.

Диапазонъ марьяжныхъ объявленій въ „Нов. Вр.“ за послѣднее время значительно расширился: за людьми потянулись собаки.

Вотъ объявл. въ одномъ изъ послѣднихъ №№:

ВОДОЛАЗЪ премированный ищетъ себѣ жену.
Б. Конюшен., №.... Телеф....

Даже телефонъ указанъ. Будеть ли говорить по этому телефону самъ водолазъ со своей избранницей или его хозяинъ — не ясно.

Мы, однако, опасаемся, что въ объявленіи кроется еще одна неясность. Сказано просто — „водолазъ ищетъ себѣ жену“... А ну, какъ простыя женскія души вообразятъ себѣ, что рѣчь идетъ о простомъ человѣческомъ водолазѣ?

Зубы и грамотность.

Намъ доставили печатное объявленіе какихъ-то „зубныхъ врачей г. Нѣмченко въ Камышинѣ“.

Стиль этого объявленія таковъ, что при чтеніи его у самага здороваго человѣка зубы должны занять, задергаться и, какъ горохъ, посыпаться изо рта:

„Извѣщаемъ гг. жителей г. Камышина и его окрестностей въ томъ (?) что недавно вернувшись изъ Москвы, закупивъ всѣ инструменты послѣдней науки (!) какъ для лѣченія, такъ и въ области техники на каучукъ и особенно мостивидныхъ работъ т. е. коронокъ, цѣлыхъ, частичныхъ золотыхъ мостиковъ, съемныхъ и не съемныхъ работъ, которыя до нынѣ выработывались пайкой и шлифовкой руки, нынѣ же нами выработывается прямо аппаратами, что даетъ возможность выполнить зубъ безъ уклоненія отъ истиннаго зуба“.

„Истинный зубъ безо всякаго уклоненія“, конечно, имѣется у „г. Нѣмченко“, но этотъ зубъ они имѣютъ исключительно противъ русскаго языка...

Отъ Издательства „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ НОВЫЯ ИЗДАНИЯ КНИГЪ:

АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО.

„О ХОРОШИХЪ ВЪ СУЩНОСТИ ЛЮДЯХЪ“.

Т Э Ф Ф И.

„ДЫМЪ БЕЗЪ ОГНЯ“.

ГАРМОНИЯ НОЧИ.

Слѣпя глазицы
Безмолвныхъ, дремлющихъ зданій...
Заперты въ стѣнахъ нѣмыхъ
Звуки мольбы и рыданій.
Изрѣдка сыплются
Четкіе стукі шаговъ,
Каблуковъ,
Стучащихъ въ безмолвіи сумрачномъ
Улицъ пустынныхъ —
Должно быть, то гость запоздавшій,
Покинувшій говоръ гостиныхъ.
Соннымъ, лѣнливо-тоскующимъ шагомъ,
Велѣнью чужому послушный,
Несеть почтальонъ телеграмму.
Что ты таишь въ рядѣ словъ экономныхъ,
Листокъ равнодушный,
Радость большую, иль тяжкую драму?
Гдѣ-то, вдали, раздается свистокъ полицейскій,
Крикъ заглушенный доносится вѣтра порывомъ...
Завтра прочтемъ мы въ газетѣ,
Чей голосъ звучалъ надъ обрывомъ.
Звякають бойкія шпоры,
Дѣвичій смѣхъ серебрится — гармонія «пары»...
Сердце сжимается болью,
Вспоминая былые пожары.
Лязгаетъ рѣзко подкова
Объ уличный камень,
Изъ-подъ копытъ лошадиныхъ
Порой вырывается искристый пламень.
То ѣдетъ на помощь къ больному
Спасительный врачъ.
Кто ждетъ твоей помощи, — сердце ль остывшее,
Или первенца плачь?
За высокой стѣной,
Обнесенной вокругъ институтскаго сада,
Ходитъ сторожъ ночной,
Охраняющій дѣвичій сонъ.
Звуки ночи унылые...
За стѣной презятъ дѣвы, головки склонивъ на подушки...
Спите, дѣвушки милыя, —
Не всегда вашъ покой оградятъ колотушки...

Аполлонъ В.

Рис. А. Радакова.

Рис. Миссъ.

миссъ

СТАРИННЫЙ ЮМОРЪ.

Онъ: — Увидѣвъ сего цырюльника, я вспомнилъ, что моя голова за послѣднее время стала очень развигаться...

Она: — Отъ чтенія умныхъ книгъ?

Онъ: — Отнюдь. Отъ сырой погоды.

Отвѣтъ сей доказываетъ — какъ, вмѣстѣ находясь, тѣмъ не менѣе, по разному мыслить можно...

БА Н Н И К Ъ.

Долго моется дѣдь —
Послѣднимъ уходитъ изъ бани.
Опыляется мѣсяцевъ свѣтъ
Въ ночномъ приземномъ туманѣ.

Послѣ дѣда, тощъ и высокъ,
Съ тѣла темень, что сусяный пряникъ,
Лѣзетъ, кряхтя на полочкъ,
Самъ банникъ.

Черти что мыши пищать —
Топочуть копытца.
Берестой труть баннику задъ —
Мыться, такъ мыться.

Отъ каменки клубомъ парь,
Чертямъ на всю ночь работа,
Банникъ парится яръ,
До седьмого парится пота.

Подъ утро черти уснуть
У мокрыхъ, скользкихъ ступенекъ —
Банникъ свернулся въ жгутъ,
Исхлестанъ до прутьевъ вѣникъ.

Разбудить второй пѣтухъ,
Сморщатся сѣрья рыльца,
Отъ шерсти-то банный духъ —
А на рыльцахъ мыльце.

Александръ Рославлевъ.

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

(Непринятые рукописи не возвращаются по почтѣ, даже при условіи присылки марокъ.)

Редакція не принимаетъ на себя обязательства давать письменные отвѣты на запросы случайныхъ сотрудниковъ. Рукописи, не востребованныя въ теченіе 3-хъ мѣс., уничтожаются.)

А. Петроградъ.

Якову Смѣлому. — Приславъ отвратительнаго качества стихи, вы пишете:

„Только меня мучаетъ вашъ почтовый ящикъ“
Пусть васъ совѣсть мучаетъ.

Д. Д. К. — Гончаровск. — „Прилагаю, пишетъ Д. Д. К., кое-что шуточное“.

По-нашему, это дѣло не шуточное. Авторъ не совсѣмъ здоровъ...

Вотъ его острога:

„Срѣзаль“.

— Почему это, вино я пью всегда бѣлое, а носъ у меня красный?

— Мало ли что... Вонъ у тебя манишка четырехугольная, а дуракъ ты круглый“.

Выражаясь низменно, авторъ тоже немного отличается по формѣ отъ четырехугольной манишки.

Б. Провинція.

Везенбергъ. — Лимбергу. — Не подошло.

Въ Пространство. — Л. М. — Тоже.

Кіевъ. — Д—ову. — Тоже.

Село Тарутино. — Осипу Дуб. Поэтъ Осипъ Дубъ, какъ видно изъ нижеприведеннаго, считаетъ себя „лукавымъ поэтомъ“. По нашему мнѣнію, онъ не лукавый поэтъ, а безграмотный. Его стихи:

„Повѣрь лукавому поэту:

Не увернешься, не плутуй!

Я напишу тебѣ сонету (?)!

Ты мнѣ подаришь поцѣлуй“.

Очевидно, Осипъ Дубъ. полагаетъ, что сонетъ женскаго рода и происходитъ отъ слова „сонетка“.

Разница между ними та, что сонетка виситъ на стѣнѣ, сонета лежитъ: въ корзинѣ.

Соколову. — Ваши рисунки плохи.

Е. Гол—скому. — Это такой чудесный образчикъ развязности, что не можемъ не привести его цѣликомъ...

Начинается сразу:

„Редакторъ! Прошу васъ корректурный оттискъ прислать мнѣ. Рукописи прошу отдать напечатать сперва ремингтонисткѣ, а потомъ уже дайте наборщикамъ. Никакъ не могъ переписать. Времени мало. Пусть переписаетъ вашъ писецъ (?) или кто другой. За трудъ писцу заплатите, а потомъ вычитите (и за то спасибо!) изъ гонорара. Заплатите мнѣ по 15 коп. за строку въ 1/4 аршина. Я начинающій, робкій писатель... и т. д.“

Если такъ написалъ „робкій писатель“, то какъ же долженъ писать „смѣлый писатель“?!

Въ постъ-скриптомъ робкій писатель сообщаетъ: „много темъ роется въ моей головѣ...“

Скажите имъ, чтобы онѣ бросили эту разрушительную работу. Все присланное скверно.

Одесса — Энмеръ. — Хотя и не подошло, но не смущайтесь. Кое-что намѣчается.

Тифлисъ. — Флайтъ—Бою. — Недурно, но къ характеру нашего журнала не подходитъ.

Могилевъ. — Под. — Западному. — Кто тутъ пойметъ что-нибудь?

„Я не милитаристъ, но когда другіе пьютъ вино, то и я пью вино“.

Редакторъ „Нов. Сат.“ не абсентеистъ, но когда ему присылаютъ чепуху, онъ ясно и прямо говоритъ: чепуха.

Томскъ. — О. П. К. — „Согрѣшилъ и я стишками“.

Богъ простить. Выбросили.

Ave.

Редакторъ А. Т. Аверченко.
Издатель Т-во „Н. Сатириконъ“.

3-й годъ изданія.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА

3-й годъ изданія.

3 ЦѢННЫХЪ ПРЕМІИ

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“

3 ЦѢННЫХЪ ПРЕМІИ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ (безъ доставки) 6 руб. Съ пересылкой и доставкой 6 руб. 50 к., на полгода 3 руб. 25 к., на 3 мѣс. 1 руб. 75 коп., на 1 мѣс. 60 коп.

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Невскій, 88. Телефонъ № 59-07.

Гдѣ бываютъ артисты и писатели ?
за завтракомъ, обѣдомъ и
ужиномъ

ВЪ РЕСТОРАНЪ
И. С. СОКОЛОВА.
Ул. Гоголя, 13. Тел. 477-35, 29-65 и 182-22.

Комфортабельные
кабинеты.
Ресторанъ открытъ до 2 час. ночи.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“

Петроградъ, Невскій, 88. Телефонъ 59-07.
Выписывающіе со склада издательства — за пересылку ничего
не платятъ.

Вышло изъ печати 3-е изданіе новой книги

„Теплая компанія“.

(Съ кляма мы воюема.)

Текстъ — Арк. Аверченко, Вл. Азова, А. Бухова, О. Л. Д'Ора, Тэффи.
Изданіе богато иллюстрировано.
Цѣна 1 руб. 25 коп.

Вышли въ свѣтъ и поступили въ продажу новыя книги
(выпуски Дешевой библиотеки):

АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО.

**„О НѢМЦАХЪ И
О ПРОЧЕМЪ ТАКОМЪ“...**

Обложка работы РЕ-МИ.

СВИНЦОВЫЕ СУХАРИ.

О. Л. Д'Орѣ

**ПРОКЛЯТІЕ
НАЧАВШИМЪ.**

Цѣна 10 коп.

Вышло въ свѣтъ и поступило въ продажу

— 7-е изданіе книги —

АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО.

**„О ХОРОШИХЪ
ВЪ СУЩНОСТИ
ЛЮДЯХЪ“.**

Книга новыхъ юмористическихъ
разсказовъ.

Въ обложкѣ работы художника РЕ-МИ.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“

Петроградъ, Невскій, 88.

Дешевая юмористическая библиотека

Вышли и поступили въ продажу

слѣдующіе выпуски:

- № 1—12. Аркадій Аверченко.
- № 13. Тэффи.
- № 14. Ландау.
- № 15. Аркадій Аверченко.
- № 16. О. Л. Д'Орѣ.
- № 17. Аркадій Аверченко.
- № 18. К. Милль.

Цѣна выпуска 10 коп.

ПРОДАЖА ВЕЗДѢ.

Издательство „Новый Сатирикон“

ПЕТРОГРАДЪ, Невскій пр., 88. — Телефонъ № 59-07.

Выписывающіе со склада издательства — за пересылку не платятъ.

Суммы до 10 рублей можно высылать марками почтовыми и гербовыми.

Гдѣ книгопродавцы благоволятъ обращаться съ заказами въ складъ изданій:

Петроградъ, Невскій, 55, Книжный складъ „Земля“.

СКИДКА ОБЫЧНАЯ.

Вышли въ свѣтъ и поступили въ продажу слѣдующія изданія „НОВАГО САТИРИКОНА“:

АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО.

„ЧЕРНЫМЪ ПО БѢЛОМУ“.

Книга новыхъ разсказовъ.

СЕРГѢЙ ГОРНЫЙ.

„ПОЧТИ БЕЗЪ УЛЫБКИ“

ПАРАДОКСЫ И СИЛУЭТЫ

Ц. 1 р. 10 к. Складъ изданія: „Нов. Сатириконъ“, Невскій, 88.

ВЛАДИМІРЪ ВОИНОВЪ.

„СОЛНЕЧНЫЕ РАЗСКАЗЫ“.

Обложка художника Ре-ми. Цѣна 1 руб. 25 коп.

ДМИТРІЙ ЦЕНЗОРЪ.

„ЛЕГЕНДА БУДНЕЙ“.

ЛИРИКА. Изданіе Аркадія Аверченко.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Часть I. О любви и печали. Часть II. Легенда Будней. Часть III. Раздумье.
Обложка художника Чехонина. Цѣна 1 р. 25 к.

АРКАДІЙ БУХОВЪ.

МИНИАТЮРЫ.

Репертуаръ Петроградской „Летучей Мыши“.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

Изд. „Театральныя Новинки“, Итальянская, 37.

Ужели правда это?! Ужели тебя, о паспортъ, хотятъ уничтожить? Въдь ты былъ вторымъ Я гражданина російскаго, спутникомъ его отъ колыбели до могилы, его наставникомъ, Бедкеромъ, учителемъ строгимъ, но справедливымъ. Когда ты въ порядкѣ — счастлива жизнь гражданина російскаго.

Но стоило только ему утратить тебя, о паспортъ! — и вотъ что происходило: исчезалъ гражданинъ, переставалъ существовать, уничтожался, — словомъ, пустое мѣсто. Да, паспортъ, ты обладаешь способностью *создавать личность!*

Былъ ты, о паспортъ, и художникомъ. Всѣхъ, — brunetovъ, blondinovъ, уродовъ и красавцевъ, мазалъ ты одной сѣрой краской: „носъ обыкновенный, глаза сѣрые, особыхъ примѣтъ не имѣется“, — не было больше красокъ на твоей палитрѣ.

Гыль ты, о паспортъ, сурово-справедливъ. Много семейныхъ очаговъ разрушилъ ты. Ты безжалостно открывалъ глаза молодежи и ясно доказывалъ, что женѣ его не 16 лѣтъ, а 50. О, какъ ненавиждать тебя за это женщины...

Ты обладаешь не гордымъ, покладистымъ характеромъ. Если тебя не прописываютъ, — ты самъ *прописываешь*... даже злодѣямъ, поддѣлывающимъ тебя, ты платишь добромъ: даровая квартира, отопленіе, освѣщеніе...

И вотъ теперь тебя скоро не будетъ у насъ, какъ нѣтъ тебя въ Европѣ. О паспортъ! неужели же не прольетъ слезу о тебѣ русскій чловѣкъ!? Нѣтъ — не леть... странно... а чьи рыданія я слышу? Ты былъ любимъ, о паспортъ... Нѣтъ, то паспортисты оплакиваютъ своего поильца и кормильца. Миръ праху твоему!..